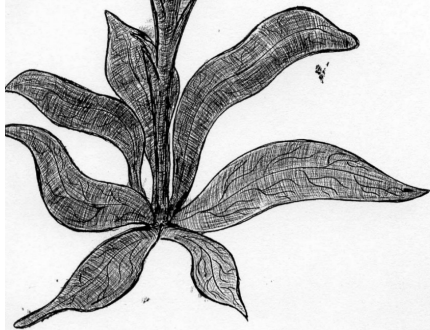

Кае де Клиари

Обыкновенное Чудовище

Кае де Клиари Обыкновенное Чудовище

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32839160

SelfPub; 2018

Аннотация

Оно не хотело становиться Чудовищем! Но окружающие так настаивали... (В последнее время в СМИ всё чаще появляются сообщения об участившемся насилии в школах. Кто только не задавался вопросом о причинах странных нападений учеников на учителей и одноклассников. Я вот тоже задумался. И припомнил случай, произошедший в одной параллельной вселенной. (Слава Богу не у нас! Ведь у нас такого просто быть не может?) Не считаю себя человеком достаточно осведомлённым в этой области, чтобы делать выводы и раздавать советы. Но, вот она, эта история. Может пригодится кому-нибудь?).

Оно было нежным, розовым, почти прозрачным.

– Настоящее Чудо! – Говорили родственные демиурги, разглядывая беззащитный комочек плоти, который в ответ с любопытством разглядывал их.

– Оно прямо, как живой сердолик! – Замечали старшие демиурги, одобряя работу своих последователей.

Но больше всего Чудо восхищало самих демиургов-создателей. Они любили своё Чудо, несмотря на то, что творить его пришлось в нелёгких условиях, производить на свет в муках, а растить предстояло, преодолевая массу неизбежных трудностей, большинство которых было результатом чужой глупости, зависти и недоброжелательства.

Чудо любили, ему радовались, за него боялись и ему посвящали всё самое лучшее, чем располагали его демиурги-создатели. Оно в ответ честно росло, поглощая необходимый материал для строительства тела, и жадно впитывало информацию об окружающем мире.

Конечно, хлопот с ним было невпроворот. То, познавая мир, проглотит что-нибудь неподходящее для строительства тела. То влезет туда, где маленькому неопытному Чуду быть не следует, потому как опасно. То переохладится, то перегреется, а то попросту упадёт и стукнется, а потом вопит от страха и боли – зовёт сбившихся с ног демиургов-создателей. Но всё равно они любили своё ненаглядное Чудо, а оно любило их.

Шло время. Чудо уже не было полупрозрачным и ро-

зовым. Это было естественным явлением – ему предстояло потемнеть и огрубеть с возрастом. И оно действительно немного потемнело, добавив к розовому песочный цвет. Это не удовлетворяло демиургов-создателей, желавших видеть своё Чудо потемневшим до молочно-шоколадного оттенка, но дальше темнеть Чудо упорно не хотело. А ещё, оно категорически отказывалось грубеть.

– Это пройдёт! – Успокаивали демиургов-создателей демиурги-советчики. – Отдайте ваше Чудо на воспитание педагогам-дестроерам. Там оно «оботрётся» среди сверстников и волей-неволей огрубеет, чтобы комфортно чувствовать себя в жизни.

И демиурги-создатели послушались, ведь в логике демиургам-советчикам не откажешь. Все проходят через это – они сами были когда-то в руках педагогов-дестроеров и «обтирались» среди сверстников до надлежащего огрубения.

Нежное Чудо не понимало, от чего мир вокруг него вдруг изменился. Те, кто любил его больше всего на свете, вдруг привели своё Чудо в незнакомое место и оставили среди незнакомцев.

– Здесь ты найдёшь много друзей! – Утверждали демиурги-создатели. – А великие, мудрые «учителя» научат тебя всему самому прекрасному и интересному, что есть в мире.

Чудо поверило. Оно всегда верило своим любимым демиургам-создателям, которых считало самыми лучшими на свете. Если они сказали, что будет много друзей, значит, бу-

дет много друзей! Первое, что предприняло Чудо, попав в это странное место, это был поиск друзей.

Сверстники Чуда были похожи на него... по возрасту. На этом видимое сходство заканчивалось. Во всём остальном они были с ним похожи не более, чем кусок асфальта на хрустальную вазу. Вот с этой непохожести и начались его беды.

Конечно, это Чудо было непохоже на сверстников, а не они на него! Очень быстро выяснилось, что большинство из них уже где-то, когда-то «обтёрлось» и в достаточной мере огрубело, чтобы уверенно чувствовать себя в среде себе подобных. Кроме того, сверстники оказались объединёнными в отдельные группы «друзей», в узкий круг которых был закрыт доступ даже для подобных им, а уж тем более для непохожих.

Чудо, некоторое время, толкалось в непроницаемые стены таких сообществ, но лишь набило себе несколько шишек. Но это было ещё не всё! Самое страшное началось, когда за дело взялись педагоги-дестроеры.

Те, кого в просторечии называли «учителями», встретили Чудо резиновыми улыбками, относившимися больше к его демиургам-создателям. Когда последние ушли, резиновые улыбки «учителей» сменились бульдожьими мордами, которые видимо, являлись их настоящими лицами. Чудо не понимало, чем оно так не угодило педагогам-дестроерам, внешне похожим на его любимых демиургов-создателей, если бы не бульдожььи морды. Ему было невдомёк, что всё дело

именно в *его* непохожести на сверстников. Те были «учителям» привычными, своими, а оно, Чудо – нет.

Даже необыкновенная красота Чуда работала против него. «Учителя» говорили об этом сквозь зубы, самочки-сверстницы распустили слух, что Чудо специально завивается и наводит макияж, чтобы казаться красивым, а мелкие серые самцы просто бросали ему в лицо – «Урод!». Учиться прекрасному и интересному у Чуда при всём при этом, как-то не получалось.

Надо ли говорить, что Чудо, едва ли не каждый день, приходило домой зарёванным? Это было так часто, что приводило демиургов-создателей в замешательство. Конечно, они захотели разобраться в ситуации, и имели беседы с педагогами-дестроерами. Но те надели свои резиновые улыбки и, конечно же, всё объяснили!

Оказывается, во всём было виновато... само Чудо! Оно не умеет «работать в коллективе», не умеет «заводить друзей», недостаточно ответственно относится к учёбе, слишком замкнуто и так далее, и так далее. Но, конечно же, всё поправимо! Если Чудо будет больше работать над собой, и научиться «учиться учиться», то всё встанет на свои места, и тогда оно будет, как все!

Дома Чудо ждал разговор. Он начался доброжелательно, даже сочувственно, ведь все хотели помочь Чуду! В разговоре приняли участие не только демиурги-создатели, но и старшие демиурги. Все они обступили оробевшее Чудо и сначала

ла спросили о причине его неожиданного неуспеха.

Чудо отвечало. Оно тогда ещё не успело научиться лгать, а потому говорило обо всём, как это виделось его неискушённому, но внимательному и пытливому взору.

Мы опустим здесь его ответы. Они были горькими, беспорядочными, немного фантастичными и бессвязными. Всё потому, что Чудо ещё совершенно не умело отвечать... Да и откуда ему было научиться?

И тогда все с разных сторон принялись втолковывать ему истины, которые должны были помочь Чуду преодолеть свои многочисленные пороки.

Старшие демиурги заявили, что коллектив «всегда прав». И привели множество примеров, похожих на сказки из своей собственной жизни, когда они были в таком же возрасте, что и Чудо теперь.

Демиурги-создатели сообщили от себя, что им-де было во много раз труднее жить и учиться, чем Чуду! Они росли в «трудные времена», плохо питались, тесно жили. И у них не было таких замечательных резиново-улыбающихся «учителей», как у их Чуда. Их педагоги-дестроеры, оказывается, были помесью монстров и шизофреников, в то время, как «учителя» передающие Чуду свою мудрость, это воплощение доброты, справедливости, терпимости и ума!

Выяснилось, что Чудо лениво, безответственно, неблагодарно и виновно ещё в каких-то грехах, насчёт которых оно само не поняло, что это такое. Вывод был однозначен – если

Чудо не хочет учиться, значит, его надо заставить!

Заставили Чудо учиться очень простым способом – швырнули за парту, (у него была собственная домашняя раскладная парта, страшно неудобная, но демиурги-создатели ей почему-то очень гордились), и припечатали о её крышку учебник, так, что сложенные там ручки, карандаши и линейки брызнули в стороны и разлетелись по комнате так, что некоторые из них нашлись лишь спустя очень долгое время.

– Учись!!! – Проревели демиурги страшными голосами, и прибавили к этому несколько жутких обещаний того, что они сделают с Чудом, если оно не будет учиться.

Легко сказать – «Учись!». Чудо не видело строчек учебника сквозь непослушные слёзы, которые не желали заканчиваться. Перо прыгало в руках и отказывалось писать. В результате, в тетради вместо домашнего задания появились какие-то иероглифы, обильно проиллюстрированные кляксами.

Время от времени кто-нибудь из демиургов подходил проверить, как Чудо учится, и каждый раз это заканчивалось плохо...

«А ну, немедленно учись!»

«А ну, живо учись!»

«Как ты смеешь так плохо учиться?!»

«Если не будешь учиться, то...»

Демиурги кричали так из самых лучших побуждений. Они по-прежнему любили своё Чудо, но считали, что заста-

вить его учиться необходимо! Почему-то, им был известен только один способ достижения этой цели. Чудо так и не поняло, почему. Я тоже не понял, ведь я знал этих демиургов не только, как существ образованных и интеллигентных, но и как существ интеллигентных, образованных, умных, талантливых, мудрых... Эх!..

Результат не заставил себя ждать. Радость, с которой «учителя», сиречь – педагоги-дестроеры, поставили за такую учёбу неудовлетворительную оценку, могла сравниться только с радостью маньяка-убийцы, вонзающего нож в тело беззащитной жертвы! Счастье, испытанное сверстниками Чуда от его неудачи, было счастьем стада обезьян, заполучивших в свои лапы тяжело раненного льва.

Дома повторилась давешняя сцена. Только крика было больше, а кое-кто из демиургов хватался за сердце, собираясь картинно упасть в обморок.

И потекли для Чуда чёрные дни, складывающиеся в годы. Изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц Чудо переходило из ада в ад. Из ада учебного в ад домашний. И так почти без перерыва, так-как в выходной день «бездарное» и «ленивое» Чудо тоже должно было сидеть и заниматься.

Демиурги-создатели, тем временем, старели и собирались умирать «исключительно по вине Чуда». Старшие демиурги качали головами и всё наставляли Чудо по поводу правильности решений коллектива. Педагоги-дестроеры злорадно потешались над Чудом и науськивали на него сверстников,

сообразивших, что «вот этого» *можно* щипать безнаказанно!

Умом Чудо понимало, что что-то здесь не так. Какая же это лень, если оно сидит над уроками всё своё свободное время, и порой это сидение залезает глубоко за полночь, в то время, как сверстники гуляют, развлекаются, спят, не слишком заботясь об учении? Но, почему-то, результатом всех этих усилий были всегда плохие оценки, доставлявшие жгучую радость «учителям» и глубокое горе демиургам-создателям. А ведь Чудо понимало то, что вычитывало в учебниках. Очень хорошо понимало!

Но, может быть, оно понимало всё не так, и действительно было бездарно? Но, в таком случае, почему даже те сверстники, которые получали отличные оценки, едва раскрыв рот во время ответа у доски, частенько подходили к нему потом с просьбой разъяснить им то или это из мировых тайн ими изучаемых, а те из них кто обладал любопытством, просили его ещё и рассказать что-нибудь интересенькое! А ведь Чудо могло много что рассказать – оно любило книги, извлекая из них то, чего было лишено в жизни – мудрости, справедливости, понимания, надежды...

Но таких сверстников было всё же мало. Большинство оставалось уверенными в том, что предназначение Чуда в этом мире – быть объектом для их щипков, насмешек и прочих издевательств. Это в итоге и погубило всё дело.

На свою беду, Чудо оставалось внутри нежным и добрым.

Оно по-прежнему, обходило червяков, вылезавших на асфальт во время дождя. Никогда не ловило стрекоз, чтобы оторвать им крылья и любоваться тем, как они гуляют пешком. Никогда не давило лягушек, и даже не накалывало бабочек на булавки, как это делали некоторые любознательные сверстники.

Зато оно всегда имело при себе пакетик или два корма для бездомных кошек. Тщательно собирало хлебные крошки и неостребованные корки для птиц. И даже потихоньку прикармливало объедками подвальных крыс, которые научились брать у него подачку с руки.

Но нежность и доброта воспринимались большинством сверстников, и поголовно всеми «учителями», как слабость и мягкотелость. А ещё, как приглашение для щипков и булавочных укусов. И они щипали, кололи, поливали грязью и откровенно плевали в сторону Чуда. Безумцы!..

Конечно, оставаться мягкотелым и беззащитным Чудо не могло. Свойство кожи к сопротивлению пробудилось в нём, и Чудо начало отрачивать себе панцирь. Сначала это была просто толстая кожа, сделавшаяся нечувствительной к щипкам. Затем, её верхний слой затвердел и стал неуязвим для обычных игл и булавок.

Но ведь противники Чуда тоже росли, и орудия в их руках изменялись вместе с ними. То, что не прокалывала булавка, пробивало шило. То, на чём сгибался гвоздь, протыкал штык...

Броня Чуда утолщалась прямо пропорционально истончению его терпения. Кроме того действовал принцип – самая лучшая защита, есть нападение. И тогда из пор стали появляться жёсткие волоски. А на их кончиках повисли капли жидкости. Очень жгучей жидкости...

И вот настал *тот* день. Всё было как всегда – бульдожьи рожи «учителей», обезьяньи сверстников; неудачный ответ долго заучиваемого материала, привычная неудовлетворительная оценка за то, что знаешь лучше других, хамские ухмылки и грязные реплики со стороны тех, кто знает о предмете изучения вдесятеро меньше твоего...

Чудо стояло у окна, за которым был весенний день, и сонно перебирало учебники. Следующий урок должен был вот-вот начаться, и лучше было заранее подготовиться, чем рыться в портфеле, когда педагог-дестроер войдёт в кабинет.

Макакоподобный сверстник подкатил ни с того, ни с сего. Этого кривлястого придурка Чудо ни во что не ставило. Он был мельче прочих, и гаже, но, как это часто бывает – горластее, нахальнее и... мерзопакостнее тех, кто имел обычные размеры.

Что трещало это ничтожество, Чудо плохо разбирало из-за невнятной речи. Манера вставлять между словами грязную бессмыслицу, делало монологи мелкой дряни плохо воспринимаемыми для его уха, особенно когда слушать этот бред совершенно не хотелось.

Отсутствие такого свойства у самого Чуда, являлось отдельным поводом для насмешек и издевательств со стороны сверстников, которые друг друга понимали превосходно, используя словесный мусор в качестве пароля для узнавания своих.

Однако сегодня всё было немножко не так. Приставучий дурак вылил на Чудо целый фонтан своей глупости, но не добился никакой реакции, как ни кривлялся, какие рожи ни корчил...

Тогда он принялся за характеристику демиургов-создателей Чуда, которых не видел ни разу в жизни...

Трудно сказать, зачем он это сделал. Кое-кто из сверстников Чуда знал, что проделывать такие штуки опасно, и если хочется позабавиться, то лучше избрать другую тему для развлечения.

Но мелкого идиота несла сама судьба. Его словесный понос становился всё грязнее и обильнее, когда Чудо махнуло рукой...

Этот взмах со стороны мог показаться лёгким и небрежным. Но тело незадачливого кретина пролетело через весь вестибюль и ударилось о стену, после чего сползло на пол, и осталось в сидячем положении. На лице его застыла всё та же идиотская ухмылка, в то время, как мозг из лопнувшего черепа, стекал по скверно покрашенной стене, напоминая плевков птичьих экскрементов...

Все присутствующие замерли, оцепенело, глядя на труп, и

никак не могли поверить, что это происходит здесь, сейчас, с ними. Потом они перевели круглые от удивления глаза на Чудо, и...

Это было не оно, не Чудо к которому они все привыкли. Вместо мирного, незлобивого увальня, красивого, но «не от мира сего», о котором уже шептались и хихикали по углам шаловливые самочки, перед ними стояло... Чудовище!

Глаза его были бессмысленны. Огромные лапы то сжимались в пудовые кулаки, то разжимались, демонстрируя серповидные втяжные когти. Из рта вылезали клыки, а между ними, то и дело выбегали язычки пламени!

Кожа Чудовища тоже изменилась. Сначала она покраснела до вишнёвого цвета, затем потемнела и наконец, приобрела оттенок кобальта. На спине, локтях и бёдрах его, взамен лопнувшей и свисающей клоками одежды, начала прорасти шерсть, быстро твердеющая и напоминающая иглы или стрекала с которых закапал зеленоватый яд.

Высокий лоб прорезала вертикальная полоса, которая тут же разошлась в стороны, и оттуда глянул вытарашенный, полной ярости глаз, весь в багровых сетчатых прожилках!

Сначала завизжал один девичий голос, затем другой, и вот уже весь вестибюль и примыкающие к нему коридоры завизжали и заверещали десятками перепуганных до полусмерти голосов! На беду вышедших на перемену, отступить им вдруг стало некуда – навстречу повалили те, кто ранее успел войти в кабинеты, чтобы подготовиться к началу следующих за-

нятий. Выбежавшие на шум, столкнулись со спасающимися бегством. Получилась куча-мала, и вот, в эту вопящую, охваченную паникой массу прыгнуло разъярённое Чудовище!..

Вопли удесятились. К визгу и мольбам о помощи прибавились крики безотчётного ужаса, стоны и хрипы раненых и умирающих!

Удары Чудовища были сокрушительны и смертельны. Каждый уносил по несколько жизней сразу. Серповидные когти вспарывали животы, рассекали грудные клетки, отделяли головы от туловищ, срезали конечности, словно отточенное лезвие стоячую траву!

Чудовище пьянело от крови. Разум его погас, все чувства уснули, осталась только жажда мести, желание убивать, которое росло вместе с количеством жертв.

Оно не делало различия между «учителями» и сверстниками. Его не волновало также, кого оно бьёт – самцов или самок.

Двигаясь с быстротой мысли, оно настигало свои жертвы везде, и тем, кто пытался прятаться, приходилось хуже, чем погибшим от ударов наотмашь – их извлекали из укрытия и отрывали руки-ноги-головы одну за другой, пока не оставалась очищенная от всего лишнего тушка.

Никто из бывших тогда в здании поглощения мудрости «учителей» и учащихся, не смог спастись. А когда на этой бойне угасла последняя жизнь, пришёл огонь...

Есть некое правило – последней капли. Сама по себе капля не способна причинить вред. Если она упадёт на твёрдую поверхность, то разобьётся, размажется по ней, а потом высохнет. Но если таких капель много, то рано или поздно упадёт та, которая опрокинет переполненную чашу.

Это случилось в параллельной вселенной. Глупые жители её центра затравили и довели до крайности прекраснейшее существо – украшение их расы, которое должно было стать лидером цивилизации, Демиургом из демиургов, для которого нет ничего невозможного, а стало... Чудовищем.

Уму непостижимо, как такое могло случиться? Хорошо ещё, что эта беда произошла не в мире людей! Впрочем, нет, в мире людей такое невозможно, ведь люди – разумные, высокоорганизованные существа с огромным опытом в области воспитания подрастающего поколения, накопленным в течение веков. Они никогда не допустят подобного непотребства в своих дворцах поглощения мудрости, всегда объективно отнесутся к любому из своих учеников и немедленно вмешаются, если обнаружат мерзкую травлю мелкими негодяями, кого бы то ни было из них. Я ведь прав?

Что же касается Чудовища, то я нашёл его посреди горящего города и забрал себе. Сейчас оно уже не опасно. Его иглы-стрекала постепенно смягчают, с них больше не капает яд. С каждым днём они всё больше напоминают шерсть. Огонь тоже выстреливает из пасти всё реже, а втяжные когти убрались совсем. Состояние его здоровья в норме, что же

касается души, то здесь я не настолько оптимистичен.

Возможно, со временем раны измученного сердца зарубцуются. Я не очень-то надеюсь залечить их совсем, но думаю, что при мягком обращении и терпении с моей стороны, когда-нибудь я вновь увижу то нежное прекрасное существо, каким знал его когда-то. Вот только боюсь, что глаза Чудовища так и останутся грустными. Все три глаза.

20.04.2018